УДК 342.4

ДИСБАЛАНСЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПОПОВА А.Б.[1]

студент-магистрант 3 курса юридического факультета

Дагестанский Государственный университет народного хозяйства

Махачкала, Россия

Аннотация. Рассматриваются расхождения между конституционной формулой социального государства и механизмом её исполнения. На материалах конституционных норм и статистики Росстата за 2025 год показано, как жёсткие гарантии, неопределённость социальных норм и региональные различия в доходах населения создают противоречия социальной функции государства.

Ключевые слова: социальное государство, социальная функция, бедность, региональные различия, адресная поддержка, социальные гарантии, Конституция РФ.

IMBALANCES AND CONTRADICTIONS IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING THE SOCIAL FUNCTION OF THE RUSSIAN STATE

Popova A.B.

3rd-year Master's student, Faculty of Law

Dagestan State University of National Economy

Makhachkala, Russia

[1] ***Научный руководитель: Гаджиева Айша Ансаровна, доцент кафедры уголовного права государственно-правовых дисциплин***

Gadzhieva Aysha Ansarovna, Associate Professor, Department of Criminal Law and State-Legal Disciplines

Abstract. The article examines gaps between the constitutional formula of the social state and the mechanism of its implementation. Drawing on constitutional norms and Rosstat data for 2025, it shows how rigid guarantees, vague social norms and regional income differences generate contradictions in the social function of the state.
Keywords: social state, social function, poverty, regional differences, targeted support, social guarantees, Constitution of the Russian Federation.

Статья 7 Конституции называет Россию социальным государством и связывает его политику с достойной жизнью и свободным развитием человека, а формулировка допускает очень широкое прочтение. И.Г. Пирожкова и А.М. Попов, анализируя текст Основного закона с поправками 2020 года, указывают на бланкетный характер социальных норм, на открытые перечни гарантий и на множество понятий, которым закон не дал определения [7]. Реальное содержание обязательств складывается из отраслевых законов и бюджетных решений, и расхождения механизма возникают там, где конституционная формула встречается с источниками финансирования. А.В. Бутаков описывает разрешение социальных противоречий как правовой режим реализации собственности, и эта рамка пригодна для разбора того, как обещанная защита соотносится с ресурсами, которые государство на неё направляет [3].

Поправки 2020 года закрепили в статье 75 минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, индексацию пенсий не реже одного раза в год, адресность социальной поддержки и индексацию социальных выплат [5].

Сам текст Конституции содержит шероховатости юридической техники. Статья 7 называет поддержку материнства, отцовства и детства, а

статья 38 берёт под защиту материнство, детство и семью и не упоминает отцовство [7].

Распределение ответственности между уровнями власти тоже записано в Конституции. Пункты «ж» и «ж.1» части 1 статьи 72 относят социальную защиту, включая социальное обеспечение, и семейную политику к совместному ведению Федерации и субъектов, а статья 114 после 2020 года поручает Правительству проводить социально ориентированную политику в сферах культуры, социального обеспечения, поддержки семьи и охраны окружающей среды [5]. За один результат отвечают сразу два уровня власти, и границу между ними проводят отраслевые законы, на которые Конституция отсылает.

И.В. Архипкин связывает социальную функцию с налогообложением и экономической функцией государства, поскольку блага распределяются из бюджетных и внебюджетных средств, а результат зависит от материальной базы и от того, как эти средства поделены [1]. Доходы бюджета следуют за конъюнктурой, а расходы по конституционным гарантиям закреплены жёстко, поэтому пространство для манёвра сужается в годы замедления экономики, а неисполнение функций, как отмечает тот же автор, снижает уровень жизни и доверие к власти [1]. Показатели бедности пока выглядят благополучно. По данным Росстата, в 2025 году ниже границы бедности находились около 9,8 млн человек, или 6,7 % населения, тогда как годом ранее эти цифры составляли 10,3 млн и 7,1 % [4]. Указ Президента от 7 мая 2024 г. № 309 ставил задачу снизить уровень бедности до 7 % к 2030 году [6], и формально она выполнена на пять лет раньше срока. Сам показатель заметно колеблется внутри года: в четвёртом квартале 2025 года граница бедности составила 17 146 рублей, а доля малоимущих в конце года всегда ниже, чем в первые три месяца, поскольку работникам выплачивают годовые премии [4].

Конституционные гарантии сформулированы для всей страны одинаково, а средства, из которых они исполняются, у регионов различаются. В Сибирском федеральном округе по итогам 2025 года доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 7,5 % в Новосибирской области, 10,9 % в Алтайском крае, 12,3 % в Республике Алтай и 18,6 % в Туве, то есть разница между крайними значениями достигла почти двух с половиной раз. Алтайский край за год снизил показатель с 12,1 % до 10,9 %, и всё равно около 228 тыс. его жителей живут на доход ниже этой черты [2].

Сопоставление регионов осложняется способом измерения. Граница бедности устанавливается по территориям отдельно: в Алтайском крае она составляла 15 782 рубля в 2025 году и 16 856 рублей в 2026 году, то есть выросла на 6,8 % [2], а доля бедных в каждом субъекте отсчитывается от собственной черты, поэтому показатели Тувы и Новосибирской области нельзя читать как доли людей с одинаковым доходом. Указ № 309 задаёт цель одним общенациональным числом, и, если приложить 7 % к отдельным территориям, расстояние до неё составит полпроцентного пункта в Новосибирской области и 11,6 пункта в Туве.

Адресность и всеобщность работают по разным правилам. Пенсия назначается всем, кто выработал право на неё, помощь малоимущим требует проверки доходов семьи, а деньги на то и другое поступают из общей казны. Конституционный текст требует обоих подходов сразу, и пенсионная система строится на всеобщности, справедливости и солидарности поколений, а социальная поддержка должна быть адресной; на фоне зарубежных экспериментов с базовым доходом авторы той же статьи оценивают конституционные изменения 2020 года как осторожные и умеренные [7].

Библиографический список

1. Архипкин И. В. Функции государства как ключевые направления его деятельности // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 1 (41). – С. 17–22. – DOI: 10.21686/2411-118X-2025-1-17-22.

2. Более 220 тысяч жителей Алтая живут ниже черты бедности // Комсомольская правда : сайт. – URL: https://www.alt.kp.ru/online/news/6953495/ (дата обращения: 31.10.2026).

3. Бутаков А. В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (часть I) // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 5–15. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).5-15.

4. В России исторический минимум бедности: количество малоимущих упало до 9,8 млн человек // Комсомольская правда : сайт. – 15.03.2026. – URL: https://www.kp.ru/daily/27765.5/5222497/ (дата обращения: 31.10.2026).

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 31.10.2026).

6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 31.10.2026).

7. Пирожкова И. Г., Попов А. М. Правовая природа конституционного права на социальное обеспечение в комплексе смежных понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 62–68. – DOI: 10.35750/2071-8284-2024-1-62-68.